

Российский государственный гуманитарный университет

Институт высших гуманитарных исследований

Центр типологии и семиотики фольклора

XIV Мелетинские чтения

Текст и историческая реальность

Секция 2: Устная история и фольклор

Материалы

Всероссийской научной конференции

Москва, РГГУ, 20 – 22 октября 2022 г.

Москва

2022

УДК 398

ББК 82.0

Т 30

Составители и редакторы

Е.А. Закревская, М.А. Гистер

Т 30

Текст и историческая реальность. Секция 2: Устная история и фольклор. Материалы Всероссийской научной конференции XIV Мелетинские чтения (Москва, РГГУ, 20–22 октября 2022 г.) / Сост. и ред. Е. А. Закревская, М.А. Гистер. М.: РГГУ, 2022. 28 с.

© Коллектив авторов, 2022

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2022

Оглавление

<i>Неклюдов С.Ю.</i> Предисловие	4
<i>Амосова С. Н.</i> Три варианта одной истории: сюжеты о спасении еврейской семьи из Краславы	5
<i>Белянин С. В., Закревская Е. А.</i> Мира вспоминает: ложные воспоминания в рассказах о войне и Холокосте	6
<i>Веселова И. С.</i> Старообрядцы: от письменных полемик к устной истории.....	7
<i>Гаврилова М. В.</i> Муся Пинкензон: герой и/или жертва?	8
<i>Грамотчикова Н. Б.</i> «Устная история» малого города в интервью и практиках представителей церковной среды	9
<i>Душаклова Н. С.</i> «Так рассказывала бабушка, а еще я читала в календаре»: из чего состоят воспоминания о прошлом.....	10
<i>Завьялова О. Ю.</i> Память народа (устная традиция) такая, как она есть	11
<i>Закревская Е. А.</i> Отказ от эвакуации и неудавшаяся эвакуация: происхождение, разновидности и соотношение с реальностью в историях об оккупации	12
<i>Кирзюк А. А.</i> «Всех подряд хватали»: газенвагены в рассказах о нацистской оккупации Краснодара	13
<i>Королёва С. Ю.</i> Воспоминания о деконструкции и затоплении Майкорского завода (устойчивые мотивы и интерпретации фактов)	14
<i>Куприянов П. С.</i> Романов в яме, или Василий как Михаил: механика заимствования исторического сюжета	15
<i>Лобанова Л. С.</i> Нарративы с мотивом Илля яй кватайтны ‘хватать Ильинское мясо’: форма, структура и прагматика текста	16
<i>Матлин М. Г.</i> Некоторые особенности трансмиссии устных рассказов о голоде 1941–1945 гг. в конце XX – начале XXI вв.	17
<i>Михайлова Т. А.</i> Три типа меморизации прошлого в ирландских саговых нарративах: традиция и/или историческая реальность.....	18
<i>Панюков А. В.</i> От событий языка к языку событий	19
<i>Петров Н. В.</i> Сюжет АТУ 859 на Русском Севере: контекстные связи между устной историей и фольклором	20
<i>Потапова Е. В.</i> Семейная история советских немцев в эго-документах двух поколений: дискурсивные стратегии и полярные нарративы	22
<i>Тихонова М. А.</i> Отсроченные поминки в день св. Петра и Павла: чувство вины как «точка сборки» ритуальных практик.	22
<i>Устьянцев Г.Ю.</i> Концепт мифологизированного прошлого в легендах о марийских богатырях. Восприятие исторических событий в фольклорных нарративах современников..	23
<i>Федосова К. А.</i> Повторяющееся и уникальное в устных воспоминаниях о совхозном детстве.....	24
<i>Черванёва В. А.</i> Категория времени в устном автобиографическом нарративе.....	25
<i>Шкураток Ю. А.</i> Встреча с «двойником» человека в рассказах о смерти у современных коми-пермяков.....	26

Предисловие

С точки зрения исследователя современных фольклорных традиций, биографическое интервью, с которым работают специалисты по устной истории, может рассматриваться как один из «фольклорных фактов» – даже несмотря на его специфику, обусловленную целеполаганием беседы и способом получения данных. Бывает похоже, что за сведениями, получаемыми в подобных разговорах, стоит некий «авантекст», фрагментами которого и являются ответы на вопросы интервьюера. Необходимо учесть, что текст, записанный при подобном интервьюировании, скорее всего, раньше уже пересказывался (и неоднократно), в силу чего к его очередному изложению следует относиться не только как к «чистому» воспоминанию о прошлом, но и как к воспроизведению ранее звучавшего рассказа. Кроме того, впечатления от событий минувших лет и десятилетий, удерживаемые индивидуальной памятью рассказчика, неминуемо, хотя и неосознанно, сверяются с памятью коллективной, «фольклорной» по своей природе, что соответствующим образом трансформирует продуцируемый текст – так же, как это происходит с любыми жанрами «исторического» фольклора.

Сказанное не дает оснований вообще отрицать наличие соответствий между подобными текстами и фактами реальной действительности. Из множества фактов традиция прежде всего отберет те, которые соответствуют ее дискурсивным моделям. При этом «исторические элементы» удерживаются фольклором отнюдь не вопреки его семантическим шаблонам (казалось бы, искажающим презентации реальных лиц и событий), а, напротив, именно благодаря им. Только посредством этих матриц текстопорождающие механизмы устной традиции способны обеспечить сохранение и передачу информации, потребной для разных аспектов жизнедеятельности человеческого сообщества.

Не следует преувеличивать и точность письменных источников (документов, записок очевидцев, дневниковых записей и т.д.). «Удельный вес» устной традиции в них может оказаться достаточно высоким, даже если они располагаются в значительной близости к событию. Письменные источники, совпадая в основном, часто отличаются в деталях, предоставляя разные версии описываемого – возможные рудименты устной передачи. Иногда составители документа сами говорят о слухах как о своем источнике, в других случаях просто понятно, что автор не мог быть на месте событий и в своем описании опирается на чужие рассказы, совсем не обязательно услышанные из уст участников или прямых свидетелей. Наконец, случается, что современники описывают не то, что

действительно наблюдали, а то, что диктуется соответствующей обстоятельствам дискурсивной ситуацией. Таким образом, прежде чем использовать письменный текст как источник сведений, желательно проверить его на «детекторе фольклорности», хотя бы на соответствие типовым фольклорным мотивам.

С. Ю. Неклюдов

Амосова Светлана Николаевна

младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

**Три варианта одной истории:
сюжеты о спасении еврейской семьи из Краславы**

Доклад будет посвящен анализу нарративов о спасении еврейской семьи Баркан из местечка Краслава (Латвия) во время Холокоста. Источниками для доклада стали нарративы трех типов – интервью с неевреями, которые живут в местечке Краслава и помнят события Холокоста или слышали о них; биографические интервью с братьями Баркан, которые были записаны исследователями в конце 1990-х (организацией «Shoa Foundation») и в 2014 г. (Музеем «Евреи в Латвии»); а также мемуары одного из братьев, опубликованные в 2018 г. в Риге. В ходе доклада будет обсуждаться, какие сюжеты встречаются во всех типах источников, какие сюжеты есть только в эго-документах, а какие появляются в нееврейских рассказах. При анализе всех трех типов источников следует понимать, что перед нами не просто рассказы о прошлом. Эти нарративы опираются на определенные каноны, особенно когда речь идет об эго-документах: перед нами уже сложившийся выстроенный рассказ с определенным набором сюжетов, вопросы собирателей в большинстве случаев не дополняют картину и не формируют дополнительную информацию.

Еще одной важной деталью является то, что нарративы о спасении семьи Баркан были очень распространены в Краславе. Фактически все, с кем мы разговаривали, рассказывали об этой истории. Если сравнить это с нарративами про Холокост и спасение из других еврейских местечек Латгалии, то эта история в Краславе распространена гораздо шире, и она более подробная, чем нарративы из других местечек. В докладе я попытаюсь объяснить, с чем связана популярность этих сюжетов, как влияет деятельность журналистов и краеведческого музея на формирование подобных нарративов.

Белянин Сергей Владимирович
научный сотрудник ЛТФ ИОН ШАГИ РАНХиГС
Закревская Екатерина Алексеевна
аспирантка ЦТСФ РГГУ
стажер ЛТФ ИОН ШАГИ РАНХиГС

Мира вспоминает: ложные воспоминания в рассказах о войне и Холокосте*

В апреле 2022 года в Краснодаре мы записали интервью с Мирой – пожилой женщиной, которая утверждала, что была знакома с пионером-героем Мусей Пинкензоном. У нас есть основания предполагать, что ее рассказ является ложным воспоминанием.

Феномен ложных воспоминаний был описан когнитивными психологами в 1980-е годы. Элизабет Лофтус показала, что в сознание испытуемого возможно вживить воспоминания о событиях, которые с ним не происходили, а истории о них известны испытуемому из медиа, фольклора или популярной культуры. Исследователи исторической памяти так же обращались к изучению ложных воспоминаний: так, Алейда Ассман подробно описала случай Биньямина Вилкомирского, который в ходе сеансов групповой психотерапии «вспомнил» о том, что ребенком он стал узником концентрационного лагеря. Исследовательница показала, что психологические процессы присвоения воспоминаний культурно обусловлены, а содержание воспоминаний заимствуется из мемориального канона или популярной культуры. Знакомство слушателей с каноном создает условия для популярности таких мемуаров.

В планируемом докладе на примере, как мы предполагаем, ложных воспоминаний о подвиге пионера-героя Муси Пинкензона мы опишем социальные функции ложных воспоминаний и покажем, как они формируются в российском контексте и какие акторы провоцируют их появление.

* Исследование проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина.

Веселова Инна Сергеевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры истории русской литературы СПбГУ

Старообрядцы: от письменных полемик к устной истории

Старообрядчество возникло в полемиках над редакциями и переводами, достигло апогея в письменных полемиках и книжных мастерских, однако в XX веке стало бесценным источником материала для исследователей устной культуры. В рамках доклада мы будем говорить о коллективной памяти в социальных рамках, которая, согласно М. Хальбваксу, не существует автономно. Особенностью работы коллективной памяти в устной форме является ее адаптивность к среде общения. «Чаще всего мы обращаемся к своей памяти, чтобы отвечать на вопросы, которые нам задают /другие люди/ или могли бы задать, причем, отвечая на их вопросы, мы встаем на их точку зрения и рассматриваем самих себя как членов той же группы или тех же групп, что и они. Чаще всего я вспоминаю о чем-то потому, что к этому побуждают меня другие, что их память помогает моей памяти, а моя память опирается на их память» [Хальбвакс 2007].

Доклад построен на материалах, записанных в XXI в. отдаленных деревнях Архангельской области, которые с конца XVII в. стали анклавами проживания старообрядцев, и на классических собраниях эпоса XIX-XX в., записанных на тех же территориях. Память в слоях колхозных, военных, совхозных и постсоветских знаний хранит воспоминания старших родственников и более отдаленных предков. Не отдавая себе в этом отчет, наши собеседники предъявляют нам опыт предков-старообрядцев – в маршрутах ежегодных паломничеств (их так не называют, а просто ходят к Юде, Якову, кельям), в практиках тайной заботы – милостыни, в семейных реликвиях, образах сновидений, персонажах семейных легенд, и, главное, в этических правилах, которые не устают проговаривать. Старообрядцы, старавшиеся несколько столетий стать невидимыми для государства, развили в богатом устном фольклоре такие «важные навыки выживания, как адаптивность, мимикрия, переформатирование повседневных практик и особые способы обустройства пространства» [Скотт 2009]. Наш вопрос, таким образом, можно сформулировать так: как воплотились идеологические и религиозные полемик сторонников старой веры в значимой для их потомков устной истории?

Гаврилова Мария Владимировна

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник ЛТФ ШАГИ ИОН РАНХиГС

Муся Пинкензон: герой и/или жертва?*

15 декабря 1942 года в станице Усть-Лабинской Краснодарского края был убит 12-летний скрипач Муся (Абрам) Пинкензон. Мальчик стал лишь одной из 387 жертв массового расстрела, учиненного нацистами на оккупированной территории, и одной из 2,5 миллионов жертв «Холокоста от пуль» на территории СССР. Однако, в отличие от большинства убитых советских евреев, Муся Пинкензон удостоился славы на всесоюзном уровне в качестве пионера-героя. Помимо этого, вокруг его имени в течение многих десятилетий концентрируется локальная коммеморативная активность. На месте массового расстрела в Усть-Лабинске установлен памятник, посвященный одному только Мусе. В усть-лабинском краеведческом музее ему посвящена отдельная витрина – в то время как об остальных жертвах расстрела почти ничего не говорится. В усть-лабинской школе №1 имя Муси в советские годы носила пионерская дружина, в наше время там имеются мемориальные класс и парта его имени, школьники в рамках внеучебных занятий собирают материалы, пишут сочинения о Мусе, участвуют в коммеморативных мероприятиях в его честь.

Причина этого – драматическая история обстоятельств гибели мальчика, изложенная его бывшей учительницей в газете «Советская Кубань» 9 мая 1943 года: по ее версии, перед расстрелом Муся успел сыграть на скрипке «Интернационал». Хотя достоверность этой истории вызывает сомнения – прежде всего, из-за отсутствия свидетельств очевидцев – именно она в течение долгого времени остается общепризнанной.

В докладе планируется рассказать о том, как складывалась «каноническая» версия гибели Муси Пинкензона, и в чем причины ее популярности. Я постараюсь объяснить, какие функции выполняет история о подвиге юного скрипача, и какое влияние она продолжает оказывать на местное сообщество.

* Исследование проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина.

Грамагчикова Наталья Борисовна

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

доцент кафедры русской и зарубежной литературы УГИ УрФУ

**«Устная история» малого города в интервью и практиках
представителей церковной среды**

В докладе представлена попытка осмысления коллекции полуструктурированных интервью, полученных во время полевого этапа проекта РНФ № 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)». Церкви и музеи представляют из себя две институции, интересы которых частью совпадают и частью пересекаются в культурном пространстве малого города. Даже численно количество храмов и музеев обычно близко. Материалы интервью были получены в городах Медногорске (Оренбургская область), Данилове (Ярославская область), Тихвине (Ленинградская область), Вытегре (Вологодская область), Пушкино (Московская область). В процессе полевого этапа выявились сложности работы с информантами-священниками, но также и несомненный исследовательский потенциал введения этой составляющей городской памяти в общее поле меморативного ландшафта. С одной стороны, приходится учитывать внутрицерковную иерархию, с другой, — исследователь в статусе «не-прихожанина» и даже «неместного» имеет шансы услышать много важных наблюдений и суждений от людей, постоянно включенных в разнообразные практики городской жизни. В докладе будут рассмотрены выявленные «общие места», вокруг которых строятся / которых касаются нарративы людей, связанных с церковной средой: истории храмов (действующих, разрушенных и восстановленных), пространство кладбищ, «места памяти» малого города и точки его развития.

Душакова Наталья Сергеевна

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник Архива РАН

старший научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС

«Так рассказывала бабушка, а еще я читала в календаре»:

из чего состоят воспоминания о прошлом

Устные нарративы об историческом прошлом – это далеко не только пересказы воспоминаний старших родственников и знакомых. Важную роль играет круг чтения, процессы интеллектуализации истории, распространения авторитетных версий исторического прошлого, медиатизации памяти. Кроме того, сейчас существует множество способов фиксации и сохранения памяти, к которым можно обратиться для ее восстановления – от баз данных с расшифровками устных нарративов до социальных сетей, где пользователи выстраивают собственные нарративы о прошлом, представляют свои версии и интерпретации событий. На представления об истории в изучаемых антропологами и фольклористами сообществах оказывают влияние академические практики. С одной стороны, в экспедициях исследователи часто задают такие вопросы, о которых до столкновения с ними местные жители и не задумывались. Под влиянием исследователя, даже самого профессионального, который старается задавать меньше вопросов, оставляя возможность собеседнику самому рассказывать о своей истории и культуре, происходит некоторое переосмысление привычных практик и представлений. С другой стороны, местные жители сами интересуются своей историей, читают научную литературу, что неизбежно приводит к коррекции исторической памяти. В докладе речь пойдет о многослойности воспоминаний о прошлом, а в качестве источников будут привлекаться полевые материалы автора – результаты наблюдений и интервью, записанные среди старообрядцев разных регионов России и зарубежья.

Завьялова Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры африканистики Восточного факультета СПбГУ

Память народа (устная традиция) такая, как она есть

Память народа зависит от множества вещей. Есть достаточное количество примеров того, как эта память зависима. Данный феномен показывает нам вектор развития социума в настоящий момент. Сегодня в Мали традиционное искусство и устная традиция поддерживается на уровне правительства. Сами баманцы гордятся своими марионетками, народным театром, масками и сказаниями, считая это одним из наиболее важных факторов самоидентификации. Но устная традиция реально помогает им в современной жизни. Сегодня большой проблемой для Мали является терроризм. Фульбе, например, нападают на догонов. А догоны из союза охотников собирают военные отряды. На фестивале в Бамако мы наблюдали, как фульбе были включены в систему «шуточного родства» с догонами, что в принципе приведет к невозможности конфликтов, как только данные отношения укрепятся. Разумеется, история «нашла подтверждения» их старинным связям. Призывы использовать сенанкуя в межэтнических конфликтах у манден звучали давно, сегодня мы видим воплощение этого. Сплочению всего общества служат праздники-жертвоприношения водным духам, когда баманская группа марионетчиков помогает решить проблемы и бозо и сомоно в различных районах Мали, при этом появились легенды о происхождении марионеток бамана, хотя раньше таковые были только у самих бозо. Хартия Курукан Фуга наиважнейший устный документ о происхождении Мали и всей традиционной системы взаимоотношений сама по себе является реконструкцией устных источников. Сегодня даже ставят памятник на поле Курукан Фуга, а гиды приводят туда и рассказывают об этом, как о реальном историческом событии. Гиды — это отдельная тема. Любые исторические, а точнее фольклорные объекты посещать можно только с такими гидами-хранителями, у которых есть определенная трактовка событий и история объекта.

Гриоты собираются специально для согласования своих версий, есть темы, которые умалчивались всегда в сказаниях гриотами, так как могут нанести вред системе наследования, но сегодня эти темы заменены иными версиями в устной традиции. Большой интерес представляет в этом отношении исход догонов из Манден. Старые гриоты говорят ещё, что

это связано с женщиной и конфликтом между старшим и младшим братом Кейта, правитель Манден. Но большинство уже говорит, что исход произошел позже и связано это с нашествием ислама, который сегодня теряет свою популярность в Мали.

Во время экспедиции в Мали мы столкнулись и с тем, что гиды, информанты меняли «показания», например, история работорговли с прошлого года изменилась в сторону непричастности: если в 2021 г. они показывали места продажи рабов, то в 2022 г. говорили, что здесь ее вообще не было.... Именно эти изменения трактовок и новые положения в устной истории и являются значимыми, так как показывают вектор развития ценностей данного социума. Интересно фиксировать каждый год изменения в устной истории: есть вещи, которые значимы и «фильтруются» традицией давно, такие, как исход догонов из Манден, есть вещи современные, отвечающие сегодняшним веяниям, такие как история Курукан Фуга в Мали.

Закревская Екатерина Алексеевна

аспирантка ЦТСФ РГГУ

стажер ЛТФ ШАГИ ИОН РАНХиГС

Отказ от эвакуации и неудавшаяся эвакуация: происхождение, разновидности и соотношение с реальностью в историях об оккупации*

В 1941 году, во время продвижения нацистских войск вглубь Советского Союза, перед жителями приграничных территорий страны встал вопрос об эвакуации. Централизованной эвакуации подлежали в основном заводы и квалифицированные специалисты, однако остальные граждане могли предпринять попытку уехать самостоятельно. Вокруг этих событий сложился ряд устойчивых устных нарративов об отказе от эвакуации или о неудавшейся эвакуации – про них я и расскажу в планируемом докладе. Персонажи этих историй не могут решиться покинуть дом, или, приняв решение об эвакуации, сталкиваются с какими-либо обстоятельствами, которые не дают им совершить задуманное. Все эти истории объединены похожей структурой и общим выводом, что позволяет считать их фольклорными текстами. Истории о неудавшейся эвакуации или об отказе от эвакуации – это истории о неправильном поведении (в терминах Брониславы Кербелите). Они рассказывают о том, что персонажи (на взгляд рассказчика) могли бы избежать гибели, но не стали этого делать. При этом существует целый ряд таких сюжетов: в докладе я предприму попытку описания их типологии и реконструкции их происхождения.

* Исследование было подготовлено в рамках программы «Карамзинские стипендии-2022» при поддержке фонда Михаила Прохорова и Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС (г. Москва).

Кирзюк Анна Андреевна

кандидат философских наук

научный сотрудник ЛТФ ИОН ШАГИ РАНХиГС

«Всех подряд хватали»:

газенвагены в рассказах о нацистской оккупации Краснодара*

Один из самых устойчивых сюжетов в рассказах об оккупации Краснодара – истории о том, что нацисты на улицах города отлавливали местных жителей для последующего уничтожения их в машинах-газенвагенах («душегубках»). Стать жертвой облавы и погибнуть в душегубке мог, согласно этим рассказам, любой местный житель, вне зависимости от национальности, рода деятельности и партийной принадлежности.

Хотя этот сюжет встречается не только в рассказах потомков выживших, но и в воспоминаниях непосредственных свидетелей оккупации, он содержит в себе признаки фольклоризации и явные искажения исторической реальности. Опасная машина, которая охотится за людьми и несет им смерть — это устойчивый фольклорный мотив, широко распространенный по миру (черная «Волга» в СССР и социалистической Польше, черный «Мерседес» в странах Латинской Америки, белый минивэн во Франции и т.д.). Газенвагены действительно применялись немцами на оккупированных территориях, но для прицельного уничтожения определенных групп населения — прежде всего, евреев и пациентов психиатрических больниц. Почему же реальный факт уничтожения некоторых групп населения в коллективной памяти превратился в тотальный неизбирательный террор?

По мнению Алессандро Портелли, искажения исторических фактов в устных рассказах важны, потому что помогают понять интересы и желания рассказчиков [Портелли 2003]. В устных рассказах об оккупации Краснодара заметно стремление подчеркнуть страдания местного населения: наряду с сюжетом «всех подряд хватали» там ходят истории о не существовавших «зверствах фашистов» (например, о сожженных заживо военнопленных или массовых казнях детей перед отступлением). Можно предположить, что все эти рассказы имеют отчасти компенсаторную природу: Краснодар не признан официально как город, который героически сопротивлялся немцам (он не

является ни «городом-героем», ни «городом воинской славы»), зато известен несколькими громкими процессами над коллаборантами. Статус жертвы тотального фашистского террора и неслыханных зверств помогает жителям достойным образом вписать историю города в большой официальный нарратив о ВОВ. А фольклорный сюжет о страшной машине помогает закрепить в коллективной памяти не вполне точное «воспоминание» о массовых убийствах местных жителей.

* Исследование проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина.

Королёва Светлана Юрьевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры русской литературы ПГНИУ

заведующая Лабораторией теоретической и прикладной фольклористики

Воспоминания о деконструкции и затоплении Майкорского завода (устойчивые мотивы и интерпретации фактов)

Майкорский металлургический завод был основан в 1811 г. и затоплен в 1955 г. – в связи со строительством ГЭС и образованием Камского водохранилища. Воспоминания о деконструкции предприятия сохранились в письменной и устной форме. Письменные воспоминания оставил Н.М. Слобожанинов, сотрудник завода и свидетель драматичных событий. Он возвращается к сюжету затопления минимум дважды – в конце 1960-х и начале 1980-х гг. В текстах «свидетеля истории» имеются повторяющиеся мотивы, но при этом эмоциональный регистр описания меняется: от сухой фактографичности или риторически выраженного энтузиазма, оправдывающего уничтожение завода, автор приходит к «риторике утрат» и описанию этого события как индивидуальной и коллективной трагедии. Устные воспоминания жителей пос. Майкор (Юсьвинский район Пермского края) записаны в 2020 году. Рассказчики вспоминают о своих детских впечатлениях или пересказывают истории, услышанные от старшего поколения, при этом заметна тенденция к формированию устойчивых нарративов об этом событии. Воспоминания характеризуются более спокойной тональностью и содержат подробности о современной жизни рядом с затопленным предприятием. Часть мотивов является типичной для рассказов о затоплениях и встречается в

воспоминаниях из других регионов. Майкорский материал позволяет говорить о том, что некоторые записанные истории если и не являются фольклором как таковым, то по ряду параметров сближаются с ним.

Куприянов Павел Сергеевич

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН

Романов в яме, или Василий как Михаил:

механика заимствования исторического сюжета

Доклад посвящен вопросам формирования и функционирования обыденных представлений о местном прошлом, в частности – проблеме параллелизмов и заимствований в изложении сходных исторических сюжетов в текстах разных локальных традиций. Материалом для обсуждения указанных вопросов послужат зафиксированные в ходе исследования 2009-2019 гг. устные и письменные тексты, описывающие историю ссылки и гибели бояр Романовых в начале XVII века. Речь идет о событиях 1601-1605 годов, во время которых братья Романовы (Федор, Александр, Михаил, Иван и Василий Никитичи), а также их семьи и родственники были обвинены в заговоре против государя и высланы из Москвы в разные отдаленные от столицы места, где многие из них вскоре умерли. В настоящее время в разных местах ссылки данный сюжет хотя и подчиняется общим закономерностям, и строится по схожим моделям, тем не менее, в каждом случае занимает свое место в локальном тексте, имеет разную степень распространенности и вариативности и свои содержательные особенности. Так, в Ныробе (Пермский край) сюжет о ссылке и мученической смерти в земляной яме Михаила Никитича разработан очень подробно, известен в нескольких вариантах, широко распространен и является одним из основополагающих элементов локального текста, что поддерживается многовековой народной традицией почитания «ныробского узника». А, скажем, ссылка Василия Никитича в Яранске (Кировская обл.), напротив, является для местной традиции сюжетом второго или третьего плана, не получившим широкого распространения и до определенного времени фактически ограничивавшимся самим фактом пребывания здесь знатного ссыльного (несмотря на то, что, в отличие от ныробской истории, документы, содержащие детали пребывания Василия Романова в Яранске, сохранились и опубликованы). Между тем, судя по материалам интервью, несколько лет назад этот сюжет стал «обрастать» подробностями и мотивами, которые, однако, восходят не к

упомянутым историческим данным, а к сюжету о «ныробском узнике» – иначе говоря, история Василия стала излагаться как история Михаила. Как и почему стало возможно такое заимствование? Какие условия и факторы ему способствуют? Анализ имеющихся полевых материалов позволяет предложить ответы на эти вопросы.

Лобанова Людмила Сергеевна

научный сотрудник Института языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми Научный центр УрО РАН»

**Нарративы с мотивом *Илля яй кватайтны* ‘хватать Ильинское мясо’:
форма, структура и прагматика текста**

Доклад основан на экспедиционных фольклорно-этнографических материалах, записанных в 2006 г. в с. Ношуль Прилузского р-на Республики Коми. Для анализа выбраны фрагменты интервью, в которых содержатся сведения о закалывании животного / хватании мяса на Ильин день. Цель исследования – выявить особенности функционирования и текстообразования рассказов о жертвоприношении на Ильин день в устной традиции с. Ношуль. Анализ содержания и формы нарративов позволяет автору сделать вывод о том, в коллективной памяти сохраняется не рассказ о жертвоприношении на Ильин день, а факт закалывания животного / хватания мяса на Ильин день, который в устной традиции свертывается до мотива / высказывания и выступает сюжетобразующим мотивом нарративов об Ильине дне. По объему, форме и содержанию тексты довольно разнообразны, но объединяет их модель трансляции: текст создается в момент воспроизведения на основе мотива хватания мяса / заклания животного и является подтверждением факта этого события на Ильин день в Ношуль в прошлом. С содержанием текста (местная история) и структурой (факт прошлого) связаны следующие элементы текста: указание на место и время событий, ссылка на источник информации, подтверждение достоверности, что в целом соответствует жанру преданий. Данная модель рассказов функционирует в контексте воспоминаний об Ильине дне, выделяя эту дату из потока времени. В семантическом плане эти тексты выражают особенность календарной локальной традиции, а в прагматическом отношении структурируют время и определяют пространственно-временную локализацию рассказчика. Календарная приуроченность обеспечивает ежегодную актуализацию, что создает условия для сохранения и трансляции мотива «хватать Ильинское мясо» в коллективной памяти.

Матлин Михаил Гершенович

доктор филологических наук,

доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики

Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова

Некоторые особенности трансмиссии устных рассказов о голоде 1941-1945 гг.

в конце XX – начале XXI вв.

Устные рассказы о голоде 1941-1945 гг. среди сельского населения России составляют практически неизученный пласт нарративов о Великой Отечественной войне. Если фиксация и изучение устных рассказов фронтовиков началось сразу после ее окончания и так или иначе ведется вплоть до сегодняшнего дня, то повествования о жизни в тылу во многом и сейчас остаются вне поля зрения фольклористов. Поэтому «изучение войны через жизнь тылового населения: женщин, подростков, детей военного времени» (Т.К. Щеглова) по-прежнему актуально и значимо.

Работа по фиксации данных текстов началась в УлГПУ им. Ульянова в середине 1990-х гг. и продолжается по сей день. Но главными информантами являются уже не фронтовики и их жены, а те мужчины и женщины, для которых военные годы – это годы их детства, а также те, кто родились после войны (дети фронтовиков). Сформировавшийся корпус текстов, который хранится в архиве университета, представляет собой весьма разнородный материал: это тексты, записанные попутно в процессе беседы с информантами по различным вопросам по традиционной культуре и фольклору региона; это тексты, записанные в процессе целенаправленного опроса по темам, связанным с жизнью в тылу в годы ВОВ; и, наконец, это биографические интервью, в которых центральное место занимают военные годы.

Именно это обусловило во многих случаях своеобразие устных рассказов. Так, например, в рассказах девушек большое место занимает описание непосильного труда полуголодного человека, тогда как в рассказах женщин-матерей, соответственно, – добывание еды для детей, беспокойство о них, оставленных дома без присмотра взрослых. Рассказы детей о голоде в годы войны – это не столько рассказы о них самих, сколько воспоминания о наиболее страшных событиях из жизни семьи, о матери.

Несколько лет назад началось изучение функционирования этих рассказов среди современной сельской молодежи. Было проведено анкетирование и сделаны записи. Некоторые результаты данной работы будут раскрыты в этом сообщении.

Михайлова Татьяна Андреевна

доктор филологических наук

ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН

**Три типа меморизации прошлого в ирландских саговых нарративах:
традиция и/или историческая реальность**

В докладе в качестве отправной идеи постулируется, что для архаической культуры главная функция текста – меморизация воина или правителя, а также (как фон) — значимого события, которая при этом может быть осуществлена лишь поэтом-профессионалом (так наз. «комплекс славы»). В работе приводятся три базовых примера-кейза, отражающих три разных типа создания меморизирующего текста: устная поэма (сага «Сватовство к Ферб», уладский цикл), запись на столбе огамическим письмом (сага «Видение призрака», королевский цикл, о короле Конне-ста-битв), запись латинским письмом на восковых табличках («Разговоры старцев», о странствиях по Ирландии святого Патрика). Во всех случаях носителем умения фиксировать историческую память изображается поэт-филид. Далее в докладе прослеживается псевдо-хронология сагового материала по данным хроник, что позволяет сделать вывод: в коллективной памяти, на которую опирался фиксатор традиции, устная форма соотносилась с ранним периодом истории (примерно — I в. н.э.), огамическое письмо — со II в. н.э., а таблички — с IV-V вв. Данная легендарная хронология непосредственно соотносится с основными реальными этапами развития письменности в Ирландии, но содержит ряд искажений (огамическое письмо датируется несколько более поздним периодом, а восковые таблички в основном использовались для записи псалмов). В то же время появление новых типов письма как новых способов меморизации не означает отказа от более ранних способов фиксации информации, примеры чему также можно найти в текстах. При этом реальный способ фиксации исторической традиции — запись на пергаменте — в текстах нарративного типа не отмечается, что нуждается в последующем анализе.

Панюков Анатолий Васильевич

кандидат филологических наук, доцент

ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

От событий языка к языку событий

В данном докладе я хотел бы подвести некоторые итоги своим размышлениям над вопросом: как рождаются фольклорные сюжеты? Введенный в свое время термин «поздний мифологический текст», по определению, предполагал необходимость выявления границы между архаичным и современным фольклорно-языковым сознанием. Для того, чтобы говорить о роли т.н. поздних мифологических текстов в функционировании «поздней» фольклорно-языковой системы, необходимо реконструировать «порождающие» механизмы, соответствующие сознанию носителей традиции. Так родилась наша первая концепция.

Этимологическая мифопоэтика. Перспектива такого «лингвопоэтического» подхода к проблеме мифологической наррации нами была представлена на примере языкового концепта «водить воду», достаточно широко реализованного в мифологических повествованиях, но никак не отраженного в исследованиях быличек. Исходный вопрос: как в русском фольклоре отразилось наложение лексико-семантических гнезд «вод'а» и в'ода»? Искомые семантические переходы между ними (событие языка) и были определены как *событие* в концепции художественного текста Ю.М. Лотмана, поскольку отражает необходимый для этого компонента событийного сюжета *переход через семантическую границу*. Мы обнаружили широкий список сюжетов, «когнитивную» структуру которых можно выразить схемой «идущего за вод'ой уводит в'ода».

Концепция самосборки сюжетной структуры. Эта концепция родилась в результате попытки ответить на простой вопрос, возникший при анализе сюжета предания о коми богатыре *Ён Вась*: почему Василия жестоко убивают на камне, оскотив и расчленив на куски? В качестве ответа нам пришлось выстроить ассоциативно-смысловую структуру, демонстрирующую, как «зачатие» каменного города порождает мотив оскотления строителя.

Концепция демонологии измененных состояний сознания. Дальнейшие размышления над ассоциативно-смысловой структурой демонологических сюжетов привели нас к необходимости более внимательного отношения к нарративному сознанию. Исходный вопрос: что общего между демоническими образами кружащих вокруг очага женщин в длинных черных сарафанах и явившимся в охотничьей избушке «лешим» в

болотных сапогах с поднятыми голенищами? Обратившись к наработкам в области Филологии измененных состояний сознания, мы попытались представить нарративную модель, в соответствие с которой галлюцинаторные образы, порожденные мерцающим огнем очага, вербализуясь = становясь «событиями языка» разворачиваются в «язык событий» – уникальные демонологические сюжеты.

Петров Никита Викторович

кандидат филологических наук
заведующий ЛТФ ШАГИ РАНХиГС,
доцент ЦТСФ РГГУ

**Сюжет ATU 859 на Русском Севере:
контекстные связи между устной историей и фольклором**

Сказочный сюжет, когда молодец хочет жениться на девушке и приглашает ее к себе, хвастаясь тем, что он богат, реализуется в двух восточнославянских вариантах СУС 859Е* «Хвастливый жених: говорит невесте, что живет в достатке; она посещает дом жениха и убеждается в обратном; он посрамлен» и 859G* «Молодцы женятся: игрой слов создают впечатление о своем достатке (две лавки)». В более общем виде этот сюжет представлен в ATU 859 — «The Penniless Bridegroom Pretends to Wealth» («Жених без гроша в кармане представляется богатым»). В записанных на Русском Севере (экспедиции 2011-2021 годов, Лешуконский, Приморский и Вельский районы Архангельской области) сюжет контаминируется с локальными и семейными преданиями, создавая натяжение между особенностями характера жителей местности и нормами экзогамного брака. Хитрый деревенский мужик в таких рассказах, которые зачастую определяются рассказчиками как анекдоты, заманивает в свою деревню понравившуюся ему «чужую» невесту: из другого района, городскую, недоступную. Типичный образец такого текста связан и с локальной памятью деревенского сообщества, когда сказочный сюжет закрепляет чужие фамилии в деревенском ономастике и оказывается триггером для памятований о человеке и его имени:

В Шегмасе говорят, что какой-то жених невесту обманом привел, слышали про такое? [Усмехается.] Ну дак ведь... кто как сумет, наверно, обмануть, не знаю. [Соб.: Говорят, он обещал невесте, что у него есть лавки в деревне.] А вот, это, это-то... я слышала, это, знаешь как... Тоже маленька была, а всё мы... на могилку-ту бегали, а тут крестик интерес-

ный такой стоял, сделан. А он служил... где-то там... ой, как оно... называется-то... В Архангельске-то там... И он... говорит: вот поедem, у меня... лавки есть. А лавки-ти делали... [Усмехается.] Она думат, он действительно такой богатый, и от она прожила в Ларькино похоронена... в Грязновых там. Грязнова фамилия это (архив Лаборатории фольклористики РГГУ, инф. СРМ, Вожгора, 2018).

В записанных на Русском Севере (экспедиции 2011-2021 годов, Лешуконский, Приморский и Вельский районы Архангельской области) сюжет контаминируется с семейными воспоминаниями, создавая натяжение между характером предка, особенностями жителей местности и противостоянием деревни и города (бедностью и богатством, знанием и незнанием деревенских реалий). Хитрый деревенский мужик в таких рассказах заманивает в свою деревню понравившуюся ему «чужую» невесту: из другого района, городскую, недоступную.

Концовка сказки в восточнославянской традиции, когда жених оказывается посрамлен, становится положительной для героя в локальных текстах: он приобретает невесту, показывает свою удаль и хитрость, закрепляет свой авторитет. В некоторых случаях финал истории оказывается между отрицательным финалом сказочного сюжета и положительным исходом, когда городская невеста остается в деревне с женихом, но скучает и плачет по дому, или же каждый год вместе с мужем возвращается в город.

Типичные образцы такого текста связаны с локальной памятью деревенского сообщества, когда сказочный сюжет закрепляет чужие фамилии в деревенском ономастиконе и оказывается триггером для памятований о человеке и его имени, профессии, имен предков и потомков. При этом если имя персонажа вспоминают участники семейной группы, то для других членов группы важным оказывается прикрепление деталей истории к известным аудитории локусам, обладающим определенной репутацией.

Гипотетически можно рассмотреть этот случай как расширенный случай мнемонической остенсии — не только, когда фольклорный нарратив, распространенный в группе, может влиять на поведение людей, но и закреплять воспоминание о семейном событии в категориях фольклорного нарратива.

Потапова Евгения Владимировна

магистрантка 2-го курса филологического факультета УрФУ. им. Б. Н. Ельцина

лаборант-исследователь

**Семейная история советских немцев в эго-документах двух поколений:
дискурсивные стратегии и полярные нарративы**

В докладе представляются результаты сопоставительного исследования эго-документов представителей двух поколений одной семьи: воспоминания немца-трудоармейца К. А. Винса (1905–1988) и письма-воспоминания его сына, позднего переселенца В. К. Винса (род. 1945). Доказывается, что в воспоминаниях Винса-старшего «я» повествователя репрезентируется через разные дискурсивные стратегии и модели выстраивания идентичности, в зависимости от темы конкретного эпизода автор переходит с русского языка на немецкий и наоборот, в эго-документе отчетливо присутствует табуирование тем, связанных с репрессиями по национальному признаку, и избегание позиции жертвы. Сопоставительный анализ источников базируется на том факте, что рукописи В. К. Винса являются своеобразным «ответом» на эго-документ отца, который был написан в том числе и для детей: на сканированных страницах воспоминаний Винса-старшего присутствуют пометы сына, что также учитывается в исследовании. Доклад также иллюстрирует, как непосредственно в письмах Винса-младшего прослеживается желание автора «переписать» семейную историю с позиций иного восприятия действительности и иной национальной идентичности, поэтому его нарративы выстраиваются прямо противоположно отцовским.

Тихонова Маргарита Александровна

магистрантка ЦТСФ РГГУ

младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

**Отсроченные поминки в день св. Петра и Павла: чувство вины как «точка
сборки» ритуальных практик***

В летней экспедиции 2013 г. в Юрлинской район Пермского края фольклористам из ПГНИУ удалось записать несколько интервью с жительницей д. Пестерёва, а также попасть на поминальный обед, который она устроила в память о давно умерших отце и деде. На

момент сбора полевого материала женщина была действующим ритуальным специалистом – исполняла духовные стихи и молитвы на похоронах и поминках, местные жители охарактеризовали её как «самую знающую» в этой сфере обрядовой жизни.

В докладе я рассмотрю дискурсивные стратегии хозяйки – устроительницы домашнего поминовения, которые она использовала в коммуникации 1) с собирателями, 2) с покойными отцом и дедом, 3) с приглашенными гостями – соседками и родственницами. Свой биографический нарратив, а также общение с адресатами ритуала, она выстраивает через концепт собственной неполноценности и даже греховности: просит прощения у собирателей за свою неграмотность, выстраивает автобиографический рассказ как череду «грешных» поступков, многократно извиняется перед отцом и дедом, что не поминала их раньше. Подобная покаянная модальность может быть вызвана усвоением женщиной христианского мировоззрения в целом и традиции исполнения похоронно-поминальной лирики в частности, в которых концепт греха является центральным.

В коммуникации с приглашенными гостями – группой женщин, которых она обучает пению духовных стихов – хозяйка поминок позиционирует себя скорее как «значимую фигуру». Любопытно, что при этом она совмещает сразу два регистра коммуникации – ритуальный и «соседский» – и в обоих из них пытается захватить дискурс, т.е. стать если не единственным, то главным его субъектом. В докладе на примере ряда коммуникативных ситуаций я покажу, какие приемы она для этого использует, как переключается между регистрами коммуникации, проанализирую статусную структуру ее участников.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/> («Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении»).

Устьянцев Герман Юрьевич

кандидат исторических наук

ассистент кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

**Концепт мифологизированного прошлого в легендах о марийских богатырях.
Восприятие исторических событий в фольклорных нарративах современников**

В докладе рассмотрены модели восприятия исторических и топонимических легенд о марийских богатырях (патыр-влак) в нарративах современников. Категория богатырей,

часто представленных в культуре понятием “марийские герои” (марий талешке-влак), включают в себя как мифологических героев-великанов (Онар), так и легендарных воинов (Чоткар) и сотенных князей (Акпарс, Акпатыр, Болтуш). В представлении респондентов персонажи богатырского фольклора представлены как реальные или полуполюгендарные личности. Нарративы о марийских героях содержат концепт идеализированного прошлого, сюжеты о «золотом веке», истории о борьбе с внешними захватчиками. Так, тематическое пространство легенд отражает отношение местных жителей к войне луговых марийцев с Русским государством или союзе горных марийцев с Иваном Грозным, противостояние Казанскому ханству. Память о мифологизированном прошлом ретранслируется акторами этнокультурного активизма в коммеморативных практиках, фольклорных праздниках и посредством образовательных институтов. Указанные персонажи символизируют локальную культуру и этнотерриториальную идентичность групп марийского населения, в некоторых регионах отмечается тенденция к их сакрализации. Доклад основан на полевых материалах автора, записанных в местах компактного проживания марийского населения в 2019–2021 гг.

Федосова Ксения Александровна

кандидат филологических наук

доцент, научный руководитель экспедиций фонда

«Электронная энциклопедия сел и деревень»

Повторяющееся и уникальное в устных воспоминаниях о совхозном детстве

Я хотела бы проанализировать устойчивое и уникальное в биографических воспоминаниях и попытаться выявить разные факторы, влияющие на устные биографические рассказы. С одной стороны, я рассмотрю воспоминания, воспроизводящие одну и ту же ситуацию: описание ситуации воровства и собственного страха перед наказанием за это и перед властным взрослым. А с другой — уникальные воспоминания о детстве в исчезнувшей деревне. На основании этого материала можно проследить, как на устные биографические нарративы влияет, с одной стороны, авантест и, вероятно, устойчивость невербальных практик, стоящих за текстом, а с другой — яркость личного эмоционального переживания, а также в некоторых случаях осознанное стремление рассказать уникальную историю. Материалом для доклада послужат экспедиционные записи 2022 г., сделанные в Пинежском районе Архангельской области.

Черванёва Виктория Алексеевна

кандидат филологических наук

доцент, ведущий научный сотрудник ЦТСФ РГГУ

Категория времени в устном автобиографическом нарративе

Категория времени является ключевой текстообразующей категорией нарратива в силу объективных причин: нарратив – рассказ о событии, а событие всегда протекает во времени, вне времени оно не существует и не мыслится. Когда же речь идет о нарративе устном, то особо актуальной становится мысль М.М. Бахтина о двоякособытийности нарратива: отражении в тексте двух событий – того, «о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели)...» (Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 403).

В докладе планируется показать особенности темпорального плана устного автобиографического нарратива на материале записей из личного архива автора – воспоминаний жителей Воронежской области о событиях 1942–1943 гг.

Лингвистический анализ свидетельствует, что для этих текстов характерна ориентация на актуальный момент речи, что отражается средствами разных языковых уровней (видо-временными формами глаголов, особенностями референции действующих лиц, формами прямой и косвенной речи) – рассказ о событиях прошлого строится на фоне и с учетом временного плана ситуации беседы.

В нарративе о чужом опыте – трансляции говорящим услышанного когда-то от кого-то рассказа – прослеживается взаимодействие сразу трех временных точек: актуального момента речи (пересказывания истории), момента восприятия рассказчиком истории от первоисточника и момента описываемого в тексте события. Все три временные точки получают развернутое воплощение в тексте, причем, как ни странно, во всех трех случаях преобладающими средствами выражения служат формы глаголов настоящего времени, в чем, на мой взгляд, проявляет себя используемый здесь изобразительный регистр текста (в терминологии Г.А. Золотовой (Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004).

Многослойность временной системы текста – общая особенность как автобиографических, так и мифологических рассказов, – очевидно, обусловлена категорией достоверности и ее производной – эвиденциальности (об эвиденциальности как

нарративной категории см.: Неклюдов С.Ю. Текст как манифестация / проекция / имитация «действительности» // Фольклорное повествование и реальная действительность: семиотические аспекты проблемы: материалы Международного круглого стола (Москва, РГГУ, 20 апреля 2022 г.) / сост. В.А. Черванёва. М.: РГГУ, 2022. С. 16–17), требующей указывать источник сообщения и соотносить текст как с ситуацией получения информации, так и с актуальной ситуацией речи. И эта особенность противопоставляет устную достоверную прозу традиционному фольклору (в частности, сказочному нарративу, отделенному от ситуации речи, где моделируется особый хронотоп и рамка повествования всегда находится за пределами собственно сказочного текста).

Шкураток Юлия Анатольевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ

Встреча с «двойником» человека в рассказах о смерти у современных коми-пермяков*

В биографических интервью, которые записывают фольклористы (а также диалектологи, хотя цели исследования и методика работы специалистов в разных областях различаются), можно выделить отдельные тексты о детстве, сватовстве и свадьбе, взаимоотношениях в семье, появлении детей, тяжелой работе и т.п. О том, что эти тексты, скорее, воспроизводятся, а не создаются в данный момент, говорит и быстрый темп речи информанта, и отсутствие пауз, говорящий не задумывается о выборе слов и построении текста при его развертывании.

Нередко в такие нарративы включается рассказ о том, как и при каких обстоятельствах ушли из жизни родители и другие близкие родственники. В рассказах коми-пермяков об уходе из жизни упоминаются типичные «предвестники смерти», замеченные информантом за некоторое время до события (иногда и за несколько лет): вещие сны, необычное поведение животных, странные звуки в доме и др.

Специфическим для этой этнической группы является включение в повествование рассказа о встрече с «двойником» человека, например, такого рода текст был записан от женщины 1955 г.р., учителя:

«я вышла [из избы]... она, оказывается, в углу сидит, как вот мать его. Вот так сделалась и сидит. Образ его матери, мужа... Я быстрее только зашла (т.е. домой), ну.

Она дома. И через некоторое время она умерла» (цит. в переводе на русский язык, записала А. В. Кротова-Гарина в 2017 г.) [архив ПГНИУ].

В данном рассказе индивидуальная память информанта включает встречу с «двойником» человека как факт реальной действительности. Этот текст отражает архаические (финно-угорские) представления коми-пермяков о второй душе человека – «орт». «Орт», как правило, невидим, хотя некоторые люди могут его встретить; перед смертью человека появляются его следы на теле и т.д.

У современных коми-пермяков эти представления крайне редуцированы, слово «орт» не фиксируется в печатных и рукописных словарях, известных нам диалектных архивах. В записанных нами в 2016–2022 гг. текстах отсутствуют развернутые сюжеты об «орте», однако в биографических интервью воспринимаемая рассказчиком как реальная встреча с «двойником» человека, предсказывающая его смерть, до сих пор является частью повествования.

* Исследование проводилось при поддержке гранта РФФ №22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении».

Научное издание

XIV Мелетинские чтения

Текст и историческая реальность

Секция 2: Устная история и фольклор

Материалы Всероссийской научной конференции

Составители и редакторы:

Закревская Екатерина Алексеевна

Гистер Марина Александровна

1,5 а.л.